

Фильм Александра Велединского, снятый по мотивам известного романа Сергея Шаргунова, хорош уже тем, что из двух главных версий событий осени 1993 года за основу берёт безусловно одну – ту, что на протяжении трёх десятилетий выражала сторона, проигравшая в вооружённом противостоянии, но победившая в борьбе за души и умы. Правда этой стороны, пришедшей вечером 3 октября к Останкино требовать справедливости, теперь выражена в кино,

в которых можно сказать в эфире всё что хочешь. И все эти дела семейные, и подростковые проблемы (вино, сигареты, первая любовь, первый секс, первое разочарование и всё такое прочее), и противостояние «отцов и детей». Здесь и отлично воспроизведённый быт и атмосфера того времени: от стоящего на столе жёлтого магнитофона «Романтик» до рекламы вентиляторного завода, которую хорошо помнят люди постарше. Но все пути неизменно ведут

свидетелем или участником тех событий.

Трагедия гражданской войны чувствуется особенно остро, когда видишь пришедших по призывам своих лидеров активистов обеих сторон – советской и ельцинской. Кажется, что это одни и те же молодые люди с одинаковыми причёсками, прилюдно целующиеся и слушающие и там и здесь одни и те же песни Виктора Цоя, которым, казалось бы, нечего делить, но которые стали врагами в

«1993». Все пути ведут в Останкино

космос и даже оставивший отпечаток своего пальца на советском луноходе, а ныне, в 93-м, устранивший аварии коммунальных систем Москвы, приходит к Останкино, как пришли герои романа Виктора Гюго «Отверженные» на улицу Сен-Дени. За правдой и справедливостью. Вопреки люющей с экранов ТВ лжи и агрессии обывателей, включая собственную супругу Виктора Лену (Екатерина Вилкова), желающую во что бы то ни стало вписаться в рыночную реальность, в которую сам Виктор вписываться не желает.

Именно Останкино становится полем битвы добра и зла, и здесь уже герой не рассуждает, как раньше, о том, что добро уже умерло, а бьётся одно зло с другим. Здесь всё отточено, всё чётко, без оттенков. Зло засело с той стороны АСК-3, вооружило до зубов «витязей», открыло огонь на поражение. Когда на руках Виктора умирает молодая женщина, учительница начальных классов, с которой они только что познакомились и которая пришла сюда соприкоснуться с развораживающейся на глазах историей, никакие сомнения в душе «каждый по-своему прав (неправ)», его уже не мучают. Остаётся только боль, горечь и злора, которую Виктор вымещает позже в электричке на случайных отморозках.

Останкино – главное место действия фильма Велединского, всё остальное лишь фон. Но и сам фон показан достоверно и ярко. Здесь и телепрограммы, где Караулов (*внесён в список иноагентов*) берёт интервью у Руцкого, и Александр Любимов из «Взгляда», и пресловутый Майкл Джексон, приезжающий в Москву на гастроли, и сектанты, и протестующие против политики Ельцина демонстранты, и кабинки гласности,

Фильм к 30-ой годовщине памятного события

остающемся важнейшим из искусств. Главным героем Виктора Брянец в блестящем исполнении Евгения Цыганова, работавший когда-то на

как и Шаргунов, Велединский, выступая в роли документалиста, насыщает картину реальными людьми того времени и характерными типажам: телевизионный и реальный Макашов, «мятежный» депутат на баррикадах, казаки, националисты, коммунисты, анархисты – кого только нет! Знаменитые фразы защитников Дома Советов, вошедшие в историю, также приводятся абсолютно дословно, иллюстрируемые кадрами хрони-

ки событий. Например, макашовское: «Больше нет ни мэров, ни пэров, ни херов...», сказанные им после захвата московской мэрии, или призыв Руцкого «формировать отряды и... взять штурмом мэрию и Останкино». Детально показан и сам так называемый штурм телецентра с разбитыми армейским ЗИЛом стеклянными воротами, и последовавший за ним расстрел демонстрантов. И многое-многое другое, что пылливый зритель, если и хотел узнать, уже узнал – прочитал, посмотрел, а может, и сам был

ходе развязанной на улицах Москвы войны.

Автор романа «1993» Сергей Шаргунов назвал его «Семейным портретом на фоне горящего дома». Хотя собственно горящий дом и в книге, и в фильме занимает мало места, самые драматические события разворачиваются под вечер третьего октября, когда Дом Советов был ещё белым, а не чёрным от копоти. Самая, как говорится, «жара», занимает от силы треть фильма. Но именно эта треть, являясь кульминационной, и производит наибольшее впечатление. Характерный звук и яркий блеск смертельных трассеров, сражённые тела демонстрантов, падающих на землю, коктейль Молотова, запускаемый одним из восставших в здание телецентра, от чего угол его загорается, убитый иностранный репортёр с лежащей рядом камерой, продолжающей снимать, ельцинские бэтэзеры, расстреливающие людей буквально в упор и колесящие по скверу Останкино в поисках новых жертв – погружают зрителя в душераздирающую реальность тех дней, заставляя вновь и вновь переживать и сопереживать участникам событий. Всё это показано практически с документальной точностью.

К Останкино приходит Виктор Брянец, правдоискатель и борец за справедливость, ещё недавно предпочитавший пить по старинке за женщин. Здесь же, но с другой стороны – со стороны тех, кто по призыву Гайдара пришёл защищать «демократию», оказывается его жена Лена, отношения с которой и без политики уже давно перестали быть доверительными. Они не встретились. Но Останкино как будто перепало по почку, на которой рос их брак. И в финале появляется надежда, что много пережившие и много осознавшие, они начнут строить совсем другую жизнь. Может быть, не и столь благополучную, как хотелось, но свою – честную, размеренную и свободную от навязанных стереотипов.

Картина, посвящённая памяти всех погибших осенью 1993 года, станет им замечательным памятником, установленным в дни 30-летней годовщины октябрьского противостояния.

«Чтоб сохранить навеки постоянство...»

и поэт, как своеобразный сейсмограф жизни, улавливая тончайшие веяния, переводя их в круги и алмазы слов: *Удивительно пахнет дождем – воздух соткан из влаги и воли, жадно дышишь и веришь в трудом, что суарбы мы переборолли. А зима бесконечной была, опостылено это убранным – как посмертная маска бела, затвердевшая маска пространства.* Фантастический этот воздух, сотканный из двух субстанций, опреде-

лённых поэтом, пронизывает и поэтические действия-мистерии Александра Казинцева, порой сгущаясь в мрачные тона, ибо отрицать изнанку жизни – было бы недопустимым идеализмом.

Снег – частый гость в поэзии Казинцева: снег... особая субстанция, отдающая волшебством, детством, счастьем, и, даже вторгаясь в тяжёлый пейзаж, убывает его – он: совершенный дар природы:

Сколько тут домов снесли под один змах, лишь проплешины земли – память о домах. Взглянь поздний снегопад выбелит дотла пустоту, где год назад жизнь своя текла. У Казинцева особенные слова: словно светящиеся изнутри розоватым серебром раковины; точно таинственные, мерцающие сущности... И, поставленные в единственно возможном порядке, они, играя раз-

давая прихотливый словесный орнамент:

Я не могу остановить ресницы, глаза и воласы. Но я могу запрячь влюблённую странницу дрожащий талый воздух на снегу. Я запишу весь разворот пространства, деревье щёлки и полёты птиц, чтоб сохранить навеки постоянство застывших в эфире воздуха ресниц.

И даже как будто элемент абсурда используется – для усугубления впечатления. Оно всегда богато от чтения Казинцева: всплывают ассоциации, непроизвольно возникают линии сопоставления с собственным опытом...

И боль, и радость сомыщены в алхимических сосудах его поэзии. И родное вещество русской правды столь густо насыщает поэзию поэта, что верится в бесконечность жизни...

«Я ничего придумывать не буду...»

Марианна РОГОВСКАЯ-СОКОЛОВА

Тайны поэмы Владимира Соколова «Сюжет»

Я ничего придумывать не буду.

Какое чудо может быть у чуда?

Наверно, только явь...

Владимир Соколов

Марианна, кто ты, где ты, что со мной?

Этим раскаленными, пронзительными словами завершается лирическая поэма Владимира Соколова «Сюжет». Вопросы щемящие, как тревожное пожатие тоски сердечной.

Поэма написана в 1976 году. Она была высоко оценена, удостоена Государственной премии, о ней много говорили. Но была ли она по-настоящему прочитана, проанализирована? Нет, не была. Хотя дважды издавалась лауреатской книгой «Сюжет» и как заключительная глава вошла в последнюю прижизненную книгу Соколова «Стихи Марианне».

Некоторым читателям она показалась очень сложной, закрытой, зашифрованной, загадочной. Заинтриговывают уже первые строки:

Вот вам конспект лирической поэмы. Песочек, отменить, возле глубины. Любоек в искустве...

Остальные темы

Из отдаления к ней подключены.

Да, без искусства для истинного художника жизнь не в жизни. Но жизнь, порой, оказывается интересней всякого вымысла и очень тесно сплетается с искусством любимым.

На протяжении многих лет ко мне неоднократно обращались с просьбой прояснить некоторые неясные места поэмы, по разным признакам связанные с моей жизнью. Я отказывалась. Но теперь попробую преодолеть болезнь, которую Чехов называл автобиографофобией («уж если что и оставлять, то биографию, а не мифологию»).

Я постараюсь проследить по тексту поэмы и по стихам того времени биографические обстоятельства и лирические мотивы, которые подключены к теме «любоек в искуству» и связаны с реальностью моей жизни.

Конечно, поэму «Сюжет» нельзя называть биографическим произведением. Но, написанная от первого лица, она, безусловно, содержит много биографического материала: прототипы героев, сюжетные ситуации, отдельные детали, описание любимыми московских мест, где был он «каждой улице сродни», – всё это не вызывает сомнений в том, что образы и ситуации поэмы связаны с реальной жизнью автора и его героев. С первых же строк реальность вплетается в поэму: «Я думал о Каире». В рукописях того времени повторяются слова «опять Каир».

В поэме: Ну, а Каир причём?

Но если друг родной Тем более о н а там годы тратит, Так я и помянул его, мол, хватит, Трать время на меня или со мной.

В поэме эта строфа предвещается фразой: «какой подтекст бездарно пропадает». А в реальности я должна была лететь в Каир, надолго, на годы. За несколько дней до отъезда я получила неожиданный подарок: книгу поэта, которого вся моя семья любила и высоко чтит. Книга «Стихотворения» с автографом удивительным: «Марианне Роговской Вл. Соколов. Сердечно. Очень дорогому человеку. 18/XI 70 г.».

Дата – день нашего знакомства. Почему он так написал? В первый день знакомства, с первого взгляда, на незабываемом поэтическом вечере, среди шумной восторженной толпы, ожидающей автографов. Ведь тогда я ничем не заслужила. Я только любила его стихи, понимала их и принимала близко к сердцу. Тогда, с трудом уняв сердцебиение, поняла и поверила: это вест из будущего, знак, божественное прозрение Поэта. Теперь я открываю эту книгу и, как тогда, – сердцебиение, любимый голос из прошлого, шёпот памяти...

А тогда я не могла взять с собой эту драгоценную книгу. Я была замуем. Книга стала моей тайной. Не только муж, но и советское посольство бдительно охраняли крепость семейных отношений. Я не могла «бумаге вверять грусть своих слов». Через друзей в письмах сообщала ему его же стихами: «хочу зимы, здоровья, снега». Описывала красоты египетской природы. Эти описания вошли в поэму почти дословно: Закат в неведомом Каире, Что отразился на твоём письме – О переходе синего в лиловый,

А дальше в красный с выходом в полнеба...

О пальмах и о бомбах, о домах...

В Египте тогда шла война с Израилем, и о том, что сын приносил в портфеле осколки бомб, я рассказывала уже позднее.

В то время мы жили на разных материках, неустанно думали друг о друге, мы тосковали. В поэме Поэт говорит «женщине по имени Мария»:

– Но ты глядишь с огромной грустью.

– Да, я всегда тоскую по тебе.

Поэт, человек высокой души, до времени проявляет выдержку: «Мария, душа моя, ты есть, и хорошо».

В Москве, перед отъездом в Египет, я думала, что буду спокойно и вдумчиво писать о фольклорных мотивах в творчестве Чехова. Но другая стихия ворвалась в жизнь. Я поняла, что предстоит нелегкое испытание: любовь-печаль, любовь-разлука, слёзы, надежда «выплакать» развод с мужем. Но всё же было ощущение:

Пересеклись их сущности.

Мы в воздухе. Мы вместе.

Из двух минут, двух вечностей, двух линий

Я умоляю: выбери мою. Там человек.

Выбор был сделан. Я не могла жить двойной жизнью, как советовала моя давняя университетская однокурсница поэтесса Лариса Васильева: «Пусть будут оба – муж для блестящей заграничной жизни, а поэт для любви». Нет, я «сжигала мосты», я уходила в неизвестность, бездомность, в явную бедность с опальным поэтом.

А Соколов писал: Домой, домой, туда, где дома нет, Где только ты, незримая почти, Где тает снег, как тысяча примет, И на домах, и на твоём пути.

Я знаю то, что ты товарищ мой, Что для меня ты целый белый свет, Так знай и ты, что я хочу домой, Скорей, к тебе, домой, где дома нет. Я рвалась в Москву, приехала ненадолго, навестывала своего любимую работу в музее Чехова и погружалась в долгожданную «явь», «когда свиданье, не было свиданьем, когда мы были всё ещё на «Вы»».

А в поэме постепенно нарастает эмоциональная напряжённость. Герой поэмы в смятении: Я волновался, спрашивал: – Но что же, Но что же делать нам с тобой?

В реальности же поэт Владимир Соколов пошел по пути расширения внутренней свободы, личной и поэтической. Его душевная лихорадка, нетерпение сердца выражаются в вызывающих для того времени стихах:

А мне надоело скрывать, Вы шли в пропылённый гурьбе Весёлая чистая книжница, Я счастья желаю тебе. Поэт возвышенное «пустое Вы», заменяет «сердечным ты» – «я счастья желаю тебе».

В поэме интрига усложняется, возникает образ Художника. Память уводит автора в запредельную даль: Тот перулол назывался Вспольным, Он к Патриарху вел прудам, И о художнике я вспомнил, Поскольку жил художник где-то там. Художник нервно рассказывает поэту о своей любви к «женщине по имени Мария», которая «ушла в какую-то пустыню», и патетически восклицает: «Вернуть Марию!». Оказывается, они соперники.

Да, мы любили женщину одну. Он открывал, пышно, говорливо, Я, к сожалению, слишком молчаливо, Боясь сказать, нарушить тишину.

Герои поэмы выражают свои чувства по-разному. Критик Леонард Лавлинский в письме к Соколову замечает: «...интересно, что в жизни поэт и художник выражают свои чувства по-разному».

Я помню: музеем, как лыжница, Вы шли в пропылённый гурьбе Весёлая чистая книжница, Я счастья желаю тебе. Поэт возвышенное «пустое Вы», заменяет «сердечным ты» – «я счастья желаю тебе».

В поэме интрига усложняется, возникает образ Художника. Память уводит автора в запредельную даль: Тот перулол назывался Вспольным, Он к Патриарху вел прудам, И о художнике я вспомнил, Поскольку жил художник где-то там. Художник нервно рассказывает поэту о своей любви к «женщине по имени Мария», которая «ушла в какую-то пустыню», и патетически восклицает: «Вернуть Марию!». Оказывается, они соперники.

Да, мы любили женщину одну. Он открывал, пышно, говорливо, Я, к сожалению, слишком молчаливо, Боясь сказать, нарушить тишину.

Герои поэмы выражают свои чувства по-разному. Критик Леонард Лавлинский в письме к Соколову замечает: «...интересно, что в жизни поэт и художник выражают свои чувства по-разному».

разному, а в искусстве образ женщины по имени Мария одинаково опозитирован ими обоими, оба чувствуют и ценят это. Поэт говорит: «он сотворил тебя из синевы, из белизны и влажного мерцания», в свою очередь художник признает: «ведь первым ты заметил, что у Марии не лицо, а лик».

Память снова уводит героя в лирическую даль, где встретились две юные души, стремящиеся к идеалу. Их связывала далёкая юность.

Тогда нам было

по шестнадцать лет, Мы занимались в юношеском зале, Совсем не то, что на дом задавали, Читали и Художник и Поэт,

Скрывавшие от мира гениальность. Казалось бы, поэт и художник близки по духу. Но на самом деле они – антиподы. Их пути расходятся. Художник, продавая талант, пытается купить любовь женщины, уважение друга: «Я продал душу. Но я вас куплю».

Поэт: Мне было жалко. Потому что я Прекрасно понимал, почти тоскую, Что не на что ему меня купить, Что больше нечего ему продать, Что слишком много денег и картин.

В образе художника воплотились черты «богатых нищих» с их большими деньгами, коллекциями (!) икон и дорогих картин, с их усадебной бездуховностью. Созданная почти полвека назад, поэма сейчас актуальна. В ней чувствуется хорошо знакомый дух стремления во что бы то ни стало идти вверх по лестнице мирского успеха.

Образ художника собирательный, но в поэме дан реальный портрет его прототипа, легко узнаваемый современниками.

Кубравый, с дынно-серыми глазами, Как бы размазанным под бровями, Или заплаканными, но без слез, Красноречивы и рисунки художника, выписанные в поэме:

Интерьер пустой избы, Три грации, как три официантки Или наоборот... как хороовод. Еще одна – высокий сарфан, Кокосник и рублёвские глаза. Лазурь и охру замешав на кеасе, Он знал, что это будет «на ура».

Не будем полностью раскрывать имя прототипа Художника (nōpina sunt odiosa). Художник И.Г. «прозвучал», о его собственному выражению. В разных тональностях... Поэт «привык держать себя в узде». Но «не проговориться нету сил в присутствии бумаги и чернил». И проговаривается он давно известным в русской литературе приёмом разнообразных художественных ассоциаций и умолчаний.

«Совсем не надо, чтобы все всё знали», – утверждает автор поэмы.

Сам Соколов предпочитал быть «не тем, о ком трезвонят». Он знал, что этот «мир, во зле лежаций», стоит на красоте, любви и правде.

Я ничего придумывать не буду, Какое чудо может быть у чуда? Наверно, только явь...

Некоторые современники Соколова, поэты, размышляя о том, «какая тайна была в Володе Соколове, что он скрывал, что тайно чувствовал», приближались к ответу на эти вопросы. Приведу не бесспорную, но заслуживающую внимания мысль Андрея Вознесенского: «это была тайна живого христианства. Он сам был его воплощением. И вот этот соколовский свет – он всех нас освещал и утешал. И когда он шёл по Переделкину, опираясь на трость, бесцветный уже почти, тяжело дыша, этот свет не давал всякой писательской грязи прилипнуть к нему».

Да, он был далек от «всякой писательской грязи», от пустопорожных разговоров. Он обращался к тому, что любил, и к тем, кого любил.

Это время опять воплотится, Хоть на миг, по звезде, по весне, По какой-нибудь малой вещице, Что напомнит тебе обо мне.

Сказал я: пора уже, Господи Боже! Пусти меня выше, чем тесное ложе. Уже я скажу ничего не умею. Пусти меня выше, чем то, что имею. Я там ещё молод!

И небо, и сушу

отпустил мою душу, И Бог даровал мне пробление жизни, И стих как моленье, и грусть по отчизне...